

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2024, Том 15, № 1 / 2024, Vol. 15, Iss. 1 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2024.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK124.pdf>

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Сбоева, Д. А. Речевая реализация эмоционально-настраивающей тактики апелляции к жалости в медийном диалоге / Д. А. Сбоева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK124.pdf>

For citation:

Sboeva D.A. Speech realization of the emotionally dispositive tactic of appealing to pity in media dialogue. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024; 15(1): 07FLSK124. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK124.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 81-26

Сбоева Дарья Александровна

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток, Россия
Восточный институт

Аспирант, ассистент кафедры «Школа региональных и международных исследований»

E-mail: sboevadaria@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7471-1828>

Речевая реализация эмоционально-настраивающей тактики апелляции к жалости в медийном диалоге

Аннотация. Речевое поведение во всем своем многообразии, включая различные аспекты и формы речевых действий, которые осуществляются в широком спектре коммуникативных условий, в настоящее время является объектом многочисленных исследований. Несмотря на это, детальный анализ отдельных тактик, применяемых в русской речи в контексте стратегии эмоционального настроения, до сих пор не проводился. В данной работе автор на материале активно развивающегося в наши дни дискурса, а именно медиадискурса, предпринимает попытку исследования одной из речевых тактик, способных формировать эмоциональный настрой коммуниканта, — тактики апелляции к жалости. Автор на материале медийных диалогов из российских телеинтервью рассматривает тактику апелляции к жалости, используемую преследующими различные речевые цели интервьюером и интервьюируемым. В статье описывается специфика, эффективность и средства речевой реализации тактики, а также уделяется особое внимание речевым тактикам-реакциям на апелляцию к жалости.

В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что тактика апелляции к жалости может быть использована в качестве реакции на провокационные речевые действия, а также сама имеет провокационный характер, при этом адресанту тактики апелляции жалости не всегда удастся сформировать прогнозируемый эмоциональный фон коммуникации и достичь собственной коммуникативной цели: успешность тактики апелляции к жалости зависит от конкретной речевой ситуации и мотивов участников коммуникации, а также от вариаций интерпретаций многогранного эмоционального концепта жалость адресантом и адресатом тактики.

Данная статья является результатом анализа, выполненного в ходе диссертационного исследования, посвященного речевой реализации эмоционально-настраивающей речевой стратегии в медиадискурсе, и может быть полезна как исследователям, изучающим речевое поведение, медиадискурс, так и всем интересующимся процессами эмоционального настроя в коммуникации и формирующими его речевыми тактиками.

Ключевые слова: русское речевое поведение; речевая тактика; эмоционально-настраивающая тактика; медийный диалог; публичная коммуникация; медиадискурс; апелляция к жалости

Речевое поведение в целом, а также различные аспекты речевого поведения, отдельные формы речевых действий, производимых в разных коммуникативных условиях, активно исследуются лингвистами. В рамках данного исследования нами были изучены научные труды О.С. Иссерс [1], К.Ф. Седова [2], И.А. Стернина [3], посвященные проблемам выявления и описания речевых реализаций коммуникативных стратегий и особенностей речевого воздействия, а также работы Е.И. Голановой [4; 5], Т.И. Поповой [6], в которых стратегичность коммуникации была рассмотрена в рамках одного из динамично развивающегося в наши дни дискурса — медиадискурса. Однако анализа отдельных тактик эмоционально-настраивающей стратегии на материале медиадискурса до этого времени еще не проводилось, чем и обусловлена актуальность данной работы. Мы предприняли попытку провести такой анализ и на материале медийных диалогов из российских телепрограмм и в формате портретного интервью рассмотреть речевую тактику «апелляция к жалости» как одну из речевых тактик публичной речи, используемых для формирования эмоционального настроя. Целью нашего исследования является выявление специфики функционирования эмоционально-настраивающей тактики «апелляция к жалости» в медиадискурсе, а задачами исследования — выявить особенности речевой реализации тактики апелляции к жалости, описать некоторые возможные варианты реакции на нее, а также дать оценку ее эффективности в рассмотренных ситуациях общения.

В рассматриваемых нами ситуациях общения, а именно в условиях медийного диалога, участники коммуникации в связи с ее публичностью адресуют свою речь не только непосредственному собеседнику, но и «третьему члену беседы» [5] — телезрителю, то есть для речи каждого из коммуникантов характерна двойная адресация, кроме того, глобальные речевые цели коммуникантов различны: интервьюер желает раскрыть личность интервьюируемого, получить от коммуниканта малоизвестную информацию, а интервьюируемый стремится к самопрезентации, он старается завоевать симпатию массовой аудитории, громко заявить о себе на широкую публику, в чем обоим часто может помочь использование в речи эмоционально-настраивающей стратегии, и в частности, тактики апелляции к эмоции жалости. Каким образом, апелляция к эмоции жалости становится вспомогательным средством достижения этих вышеперечисленных глобальных речевых целей.

Но в чем специфика ее функционирования, как она реализуется в речи и действительно ли может быть эффективной? Начнем с того, что тактика апелляции к эмоции жалости является одним из возможных способов осуществления стратегии эмоционального настроя в коммуникации. Сама эмоционально-настраивающая стратегия с точки зрения иерархии речевых целей коммуникантов не является основной речевой стратегией, она менее значима в контексте глобальной речевой интенции, однако, как отмечает О.С. Иссерс, способствует эффективной организации диалогового взаимодействия, а также позволяет оказывать оптимальное воздействие на адресата стратегии [1]. Ранее в научной литературе «апелляции к эмоциям» уже рассматривались исследователями с точки зрения логики и теории аргументации. Ученые считают, что апелляция к эмоции во многих обстоятельствах является эффективным

инструментом убеждения [7]. Канадский философ Д. Уолтон в своих работах относит апелляции к некоторым эмоциям, в том числе и «апелляцию к жалости», к приемам аргументации, при этом упоминая способность апелляции к жалости нарушать правила ведения критической дискуссии [8]. По мнению Д. Уолтона, с точки зрения логики апелляция к жалости — это «вид практического обоснования, используемого одной стороной для того, чтобы попытаться заставить другую сторону предпринять какое-то действие» [9]. Ученый отмечает некоторую противоречивость жалости: «с одной стороны, жалость сближает обе стороны — жалеющего и того, кого жалеют, — с другой, жалость также приводит к установлению эмоциональной дистанции между двумя сторонами, заставляя одного казаться выше другого» [9]. Для более глубокого понимания природы апелляции к жалости мы также обратились к лингвистическим работам, посвященным эмоциональному концепту «жалость», к этимологическим словарям русского языка и толковым словарям современного русского языка, ведь «каждое эмоциональное переживание воспринимается человеком через призму собственного языка» [10, с. 348].

Что же такое «жалость» с позиции русской языковой картины мира? В.Ю. Апресян, рассматривающая в своем контрастивном исследовании русские и английские эмоциональные концепты, называет русскую жалость «уникальной, культурно-специфичной эмоцией, которая идет от русской религиозной философии» [11, с. 75]. В.Ю. Апресян также упоминает психологическое исследование Ранкура-Лаферьера, в котором последний говорит о важной роли жалости в русской культуре, объясняя это существованием особого мазохистского русского психотипа [12].

Согласно «Этимологическому словарю русского языка», слово «жалость» — общеславянское, оно образовано от исчезнувшего прилагательного «жалъ».¹ В этимологическом словаре М. Фасмера приводятся родственные корню «жал» корни чешского, словацкого, польского, литовского языков: чеш. *žal* скорбь, печаль, горе, словц. *žiaľ*, польск. *żał* печаль, лит. *gėlà* «жестокая боль, мучение, мука».²

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой «жалость» определяется через близкие по значению слова: «сострадание, соболезнование; печаль, сожаление».³ В «Большом универсальном словаре русского языка» жалостью называют «чувство душевной боли, огорчения, печали при виде чужих страданий, горя, часто сопровождаемое желанием помочь человеку, облегчить его положение».⁴

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» указано: «жалостью» называют «чувство по отношению к другому человеку, какое бывает, когда, считая, что этому человеку плохо, субъект ощущает от этого душевную боль и желание облегчить». К синонимам жалости автор словарной статьи И.Б. Левонтина относит «сочувствие», «сострадание» и «участие». Левонтина, анализируя совокупность культурных представлений носителей русского языка о «жалости», также отмечает, что жалость «физически переживают, испытывая дискомфорт, томительное беспокойство, спазматическое сжатие внутри».⁵

¹ Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО "Полиграфуслуги". — 2005. — С. 130.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 — М.: Прогресс, 1986. — С. 35.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: ООО "А ТЕМП". — 2006. — С. 189.

⁴ Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. Имени А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. — М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. — С. 237.

⁵ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, А.В. Птенцова; Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. — Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. — *Studia philologica*. — С. 327.

Говоря об особенностях употребления лексемы «жалость», И.Б. Левонтина указывает на то, что лексема «жалость» в зависимости от ситуации может быть как нейтральной, так и прагматически ограниченной: может в зависимости от контекста приобретать оттенок унизительности, оскорбительности для человека, так как способна указывать на слабость или беспомощность объекта эмоции, или же, напротив, не имеет ничего общего с унижением или оскорблением и связана с представлением о смирении и любви к слабому человеку в контексте христианской культуры.⁶

Словарные определения свидетельствуют о следующих существенных признаках «жалости»: возможной множественности коннотаций (от резко отрицательной, до нейтральной и положительной), а также причинно-следственных связей с такими эмоциями, как печаль, уныние горе, и в то же время связь с желанием помочь.

Рассмотрим на нескольких конкретных примерах тактику апелляции к этой эмоции в медийном диалоге, обратим внимание на то, как противоречивость и многогранность понятия «жалость» отражается на особенностях речевой реализации этой тактики, опишем некоторые возможные тактики-реакции на нее.

Из интервью Юлии Меньшовой с Людмилой Максаковой (телепрограмма «Наедине со всеми»):

Ю.М.: Вы были поздним ребенком...

Л.М.: Да, очень.

Ю.М.: Обычно над такими детьми *трясутся, обожают, залюбливают заласкивают...*

Л.М.: *Понимаете, Юлечка, мы были нищие, вы даже не представляете себе, как мы жили! Эта война, детонька моя, у нас сожгли дачу, машину мамину, которую путем вот этих двух связок она заработала когда-то и так далее, угнали на пользу фронта. Значит, что получали дополнительного артисты Большого театра, это коробку зефира, и если Вы считаете, что это мы шикавали, то нет, я застала очень тяжелые времена, понимаете, а не то совсем вот великолепное радужное детство с чем-то и так далее. У мамы была масса родственников, у которых не было, к сожалению, никаких талантов. Родители очень рано умерли, шесть человек было маленьких детей, осталась она, она пошла в церковный хор в 9 лет сама петь и содержала всю эту семью и работала всю жизнь, как сумасшедшая, и всех содержала, поэтому заниматься, ласкать и так далее..., а кто будет деньги привозить...*

Ю.М.: Я не это имею в виду...

Л.М.: А как?

Интервьюер затрагивает тему детства и личных отношений коммуниканта с матерью, применяя тактику апелляции к стереотипу, реализованную в речи конструкцией «обычно ... (что-то происходит так-то)...». Такое речевое действие является своего рода «крючком», на который коммуникант в данном случае сразу «попадает». Не договаривая фразу до конца, при этом предварительно затягивая ее настойчивым перечислением близких по значению глаголов, интервьюер оставляет собеседнику свободу для ее интерпретации, и интерпретируется она интервьюируемым в итоге как попытка обидеть или же как попытка

⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, А.В. Птенцова; Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. — Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. — Studia philologica. — С. 329.

«обвинить в благополучном детстве, обесценить личный вклад в собственный успех». Повторение языковых единиц создает здесь дополнительный экспрессивный эффект. Как справедливо отмечает в своей работе «Голоса и смыслы» Л.А. Капанадзе, «в разговорной речи за счет нанизывания нескольких синонимических или близких по смыслу слов (часто — глаголов) в речевой цепи достигается эффект эмоционального усиления» [13, с. 173].

Интервьюируемый, расценив речевое действие коммуниканта как провокацию, в ответном речевом действии использует тактику апелляции к жалости. Таким образом интервьюируемый пытается вызвать эмоции, в частности, эмоцию жалости у интервьюера и у зрителей и тем самым развеять, как ей самой кажется, навязанный интервьюером стереотип. В данном случае жалость не имеет оттенка унижительность, оскорбительности, так как объект жалости — сам адресант. Жалость здесь, во-первых, указывает на желание говорящего показать свою слабость и вызвать таким образом своего рода жалость-любовь и расположение у зрителя, а также остановить провоцирующие речевые действия, и, во-вторых, представляет собой аргумент в пользу того, что ее мать и она сама смогли преодолеть трудности благодаря упорству и трудолюбию, то есть является частью самопрезентации говорящего. Усиливают эмоциональное воздействие такие тактики, используемые в речи, как интенсификаторы и интенсификаты: наречие «очень»; ряд глаголов с общим компонентом значения «уничтожения», «исчезновения» (*сожгли, угнали, умерли*), придающие дополнительную динамику и нагнетание; прилагательные с негативной коннотацией (*нищие, тяжелые*); противопоставленные им прилагательные с позитивной коннотацией (*великолепное, радужное*); разговорно-просторечный глагол (*шиковать*); местоимения (*всю, всех*), указывающие на полноту характеристики, высшую степень проявления состояния, признака; существительное с семантикой большого количества, множества (*масса*). Стоит также отметить, что в рамках тактики апелляции к жалости говорящий предпринимает модусный прием «приближение адресата», реализованный в речи употреблением вводно-модального слова (*понимаете...*), нацеленного на привлечение внимания адресата и на вызов эмоционального отклика последнего.

Также добавляют фразе категоричности, усиливают эмоциональность условная конструкция «*если вы считаете, что ..., то нет ...*», сравнительный оборот «*работала, как сумасшедшая*». Уменьшительно-ласкательные обращения к собеседнику «*Юлечка*», «*детонька моя*», произносимые говорящим с подчеркнута уверенной интонацией, транслируют желание говорящего показать свое превосходство, продемонстрировать собственную «правоту», подчеркнуть неравность позиций.

Какова реакция-ответ на апелляцию к жалости в данной ситуации? Мы видим, что здесь тактика апелляции к жалости не является успешной, так как адресат тактики не проявляет в ответ ожидаемую адресантом эмоцию. Тактика апелляции к жалости вызывает эту эмоцию, возможно, только у зрителей, а интервьюер успешно блокирует ее, кратко отмечая: «*Я не это имею в виду*». Интервьюер таким образом намекает на неверную трактовку собственных слов, чем ставит собеседника в неудобное положение. Такая сухая, лаконичная фраза интервьюера на контрасте с предшествующей эмоциональной репликой интервьюируемого является демонстративным отклонением навязываемой коммуникантом эмоции.

Таким образом, мы видим, что тактика апелляции к жалости в данной коммуникативной ситуации становится своего рода «аргументом в свою пользу», следующим в ответ на речевую провокацию, а ответом на тактику апелляции к жалости в данной ситуации становится отклонение адресатом навязываемой эмоции с помощью тактики «указание на коммуникативную ошибку».

Следующий пример, на котором хочется также отдельно остановиться, — отрывок из интервью Юлии Меньшовой с Ольгой Кормухиной (телепрограмма «Наедине со всеми»). В данном случае тактика апелляции к жалости используется интервьюером:

Ю.М.: *Как-то* (всхлипывает) Вы меня *так немножко не уважаете даже...*

О.К.: Да вы что?!

Ю.М.: *Серьезно, правда*, потому что я сижу здесь вся из себя, приготовилась и думаю, я задам вопросы, которые мне интересны, ...

О.К.: Юля...

Ю.М.: ...а Вы мне раз два, три ... я думаю, ну что ж, *куда ж мне рулить дальше, что ж мне делать. Ну ладно.*

О.К.: Вы знаете, можно я расскажу Вам одну вещь...

...

Ю.М.: Вы меня просто не поняли.

О.К.: Ну давайте, хорошо, я буду у Вас в послушании, не проблема, говорите, буду отвечать.

Ю.М.: Угу, пассибо (улыбается, взгляд в пол).

О.К.: Сразу б так и сказали, что Вам некомфортно.

Интервьюер ради своей глобальной цели в рассматриваемой коммуникативной ситуации апеллирует к жалости, старается вызвать у оппонента эту эмоцию для того, чтобы склонить к более откровенному разговору, а также исключить возможность сопротивления собственной коммуникативной инициативе. Тактика апелляции к эмоции жалости адресована интервьюируемому, но объектом жалости при этом является сам адресант-интервьюер.

Жалость к себе интервьюер аргументирует общей оценкой своего положения как неудовлетворительного, а себя — как несчастного, несправедливо обиженного человека. В данном случае тактика апелляции к эмоциям имеет манипулятивный характер, является реакцией интервьюера на отказ собеседника отвечать на вопросы личного характера и в целом — на сопротивление коммуникативной инициативе интервьюера. Адресант тактики рассчитывает на то, что его «жалостливый аргумент» сможет заставить оппонента предпринять определенное действие, а именно откровенно отвечать на предложенные им вопросы. Коммуникативный ход «заставить почувствовать оппонента виновным в твоём страдании» в данной ситуации становится эффективной разновидностью апелляции к жалости. Частица «*даже*» употребляется адресантом тактики для выражения неожиданности и интенсивности того действия, в котором оппонент условно «обвиняется» (*не уважаете даже*). Снизить градус конфликтности выдвигаемого обвинения интервьюеру помогают выражение «*так немножко*», коммуникатив «*как-то*». Неопределенное местоименное наречие «*как-то*» вносит в высказывание оттенок неуверенности или сомнения, придает речи ощущение слабости позиции говорящего, которого он сознательно и добивается. Еще из особенностей речевой реализации апелляции к жалости в этой ситуации можно отметить намеренно допущенную некоторую несогласованность в речи: «*а вы мне раз, два, три, я думаю...*» и т. д., употребление. Частица «*ну что ж*» употребляется здесь в значении, близком таким выражениям, как «*ничего не поделаешь*», «*куда тут*», употребляемых для выражения невозможности чего-либо. Интервьюер намекает на невозможность продолжения разговора ввиду чрезмерной закрытости интервьюируемого. Так интервьюер ставит себя в позицию слабого, на что следует

незамедлительная положительная реакция интервьюируемого. Последний при виде чужих страданий начинает испытывать эмоцию жалости, открыто говорит о желании помочь человеку, облегчить его положение, и, как результат, интервьюируемый соглашается на все условия интервьюера. Таким образом, в данной ситуации тактика апелляции к жалости является эффективной, она позволяет адресату достичь основной цели — склонить собеседника к откровенности.

Еще один пример использования тактики апелляции к жалости рассмотрим на материале интервью Киры Прошутинской с Максимом Галкиным (телепрограмма «Он и она»). В данном случае тактикой апелляции к жалости вновь пользуется интервьюер, но в отличие от предыдущего примера ее нельзя назвать успешной:

К.П.: Отойдем от темы денег и вернемся к справедливости, ну в данном случае к *грустной* теме. *К сожалению*, родители твои не дожили до Вашей с Аллой свадьбы. Твои мама и папа ушли, в общем-то, достаточно молодыми... Тебе не было еще 30 лет?

М.Г.: Да, 27 лет было мне, когда не стало отца, 26...

К.П.: И через два года ушла мама...

М.Г.: ...через два года мама. Да и большие гонорары помогли мне сделать все, чтобы у меня не было потом угрызений совести, что у меня не хватило денег, чтобы обеспечить им достаточное лечение.

Прямая номинация эмоции «*грусти*» и «*жалости*» в преддверии вопроса позволяет интервьюеру эмоционально подготовить собеседника к запланированной коммуникации на интересующую интервьюера тему, расположить его к ответу, сгладить резкий переход к непростой и, как сам интервьюер говорит, *грустной* теме. Интервьюер применяет тактику апелляции к жалости, при этом объектом жалости является собеседник. Интервьюер указывает на то, что жалеет собеседника и, выразив свое эмоциональное переживание, старается вывести последнего на эмоции: жалости к самому себе, унынию, горести, печали. Однако объект жалости в речи ведет себя очень сдержанно, неэмоционально, отвечает кратко, неразвернуто, а также предпринимает тактику апелляции к гордости: отмечает свой личный вклад в попытку разрешения ситуации, сожаление по поводу которой выразил интервьюер. Объект жалости ввиду того, что жалость в русской языковой картине мира все же имеет некоторую связь со слабостью или беспомощностью объекта этой эмоции, сознательно противостоит навязываемому эмоциональному настрою, используя в противовес тактике апелляции к жалости тактику апелляции к гордости.

Далее интервьюер еще раз предпринимает тактику апелляции к жалости:

К.П.: *И тем не менее* вот ощущение, что человек, который может позволить себе дорогое лечение, лучших врачей и при этом ничего не может сделать для того, чтобы эти люди остались живы ... *вот это ощущение чего? несправедливости? боли?* вот что это, а?

М.Г.: *А? Несправедливости? Вот я упрекать кого должен, Бога?* То есть я человек верующий, *но я не могу сказать, что я придерживаюсь теории пути страданий* и так далее и тому подобное, *испытаний*, я вообще считаю, что человек рожден для счастья на земле и, *конечно же*, ранний уход родителей — это абсолютная была для меня трагедия, *другое дело*, что я, как батарейка, так мощно зарядился в своем детстве, я не испытывал нехватки родителей никогда, то есть родители и даже отец при всей его занятости дали мне все, что возможно дать, у меня *никогда не было* ощущения несправедливости.

К.П.: (перебивает)... что они несправедливо ушли так рано...

М.Г.: Нет, вообще, я сейчас тебе объясню.

К.П.: Извини ради бога...

М.Г.: Я имею в виду знаешь что... вообще это понятие несправедливости не присутствовало в моей жизни никогда, *конечно*, я безумно переживал, для меня это была *тяжелая* утрата, *но* я не купался в своей горести, у меня был *тяжелый* момент, когда оба, и папа, и мама, были абсолютно задавлены химиотерапией, они лежали совершенно никакие дома ... когда они совершенно были в *жутком* состоянии, связанным даже не с болезнью, а с ее лечением, *и при этом у меня* был в концертном зале «Россия» сольный концерт, *то есть у меня было столько... столько всего*, это было *очень тяжело, безусловно*. Мама достаточно внезапно ушла, потому что у нее ухудшение наступило резко, то есть я буквально попрощался с ней, улетел из Израиля, *в очередной раз* я ее там навещал, где она лечилась, буквально через два дня ее не стало, *я отменил двадцать концертов в Германии, перенес...*

Речевое действие интервьюера начинается с уступительного союза «*тем не менее*», таким образом интервьюер обнуляет все вышесказанное коммуникантом, и, не добившись предполагаемой эмоциональной реакции коммуниканта ранее, повторно предпринимает тактику апелляции к жалости. На это указывают такие речевые маркеры, как «*несправедливость*», «*боль*». Интервьюируемый вновь вербально отрицает навязываемую ему эмоцию. Риторический вопрос с обращением к образу Бога и веры, с которого интервьюируемый начинает свою реплику, добавляет его речи категоричности. Интервьюируемый отказывается примерять на себя позицию «слабого»: «*...но я не могу сказать, что я придерживаюсь теории пути страданий и так далее и тому подобное, испытаний...*».

Однако интервьюер продолжает настаивать на своем, перебивает коммуниканта, предпринимает третью попытку апеллировать к эмоции жалости, вновь упоминает в речи «*несправедливость*», впоследствии извинившись за настойчивость. И только в ответ на третью попытку апелляции к эмоции жалости, интервьюируемый (он же объект жалости) с целью поддержания диалогового взаимодействия все же отвечает на предпринятую интервьюером тактику с определенной степенью принятия (*тяжелая утрата, тяжелый момент, совершенно никакие, жуткое состояние*). Однако при этом интервьюируемый по-прежнему не желает, чтобы по отношению к нему испытывали эмоцию жалости, поэтому с помощью косвенной тактики формирования положительного образа уравнивает предложенную, по его мнению, слабую позицию, позицией сильной («*...и при этом у меня был в концертном зале Россия сольный концерт, то есть у меня было столько, столько всего, это было очень тяжело, безусловно...*», «*я отменил 20 концертов в Германии, перенес...*»).

Таким образом анализ материала позволил сформулировать следующие выводы: тактика апелляции к эмоции жалости в рамках медийного диалога была предпринята и интервьюируемыми, преследующими в речи глобальную цель самопрезентации, и интервьюерами, речевая цель которых заключалась в раскрытии индивидуальности интервьюируемого перед массовой аудиторией, демонстрации интересного зрителю диалога. Как одни, так и другие, несмотря на разные коммуникативные цели и мотивы, используя эту тактику, совершали попытки формирования выгодного для них эмоционального фона коммуникации. Благодаря многогранности эмоции жалости, речевая тактика апелляции к жалости в рассмотренных нами случаях проявлялась по-разному. В одних ситуациях коммуникант, использовавший тактику апелляции к жалости, сам и являлся объектом жалости, при этом он ожидал, что эта тактика позволит ему показать свою слабость, незащитность и таким образом вызвать своего рода жалость-любовь и расположение у собеседника и зрителя

или же с помощью такого «аргумента» поможет убедить адресата тактики совершить необходимое ему действие. В других же ситуациях коммуникант, использующий эту тактику, делал объектом жалости своего собеседника, выражая свое эмоциональное переживание, он старался вывести последнего на эмоции и откровения, однако при этом сохранялся риск неуспешности тактики в связи с тем, что объект жалости может интерпретировать жалость как угрозу его сильной позиции и указание на слабость и беспомощность.

В ходе исследования также было отмечено, что для речевой реализации тактики апелляции к жалости в медиадиалоге характерны сравнительные обороты, условные конструкции, цепочки лексических интенсификатов, вводно-модальные слова и слованоминации негативных эмоциональных состояний.

Мы убедились в том, что эта тактика не всегда является успешной, не всегда способна сформировать прогнозируемый ее адресантом эмоциональный настрой, ее эффективность зависит от конкретной речевой ситуации и мотивов участников коммуникации: в случае успешности тактики адресат начнет испытывать эмоцию жалости по отношению к объекту жалости (даже если объектом является он сам), в случае неудачи — адресат будет «блокировать» эту тактику: предпримет, как мы только что наблюдали, тактику смены темы, перехвата коммуникативной инициативы, ссылки на коммуникативную ошибку и другие.

Тактика апелляции к жалости может использоваться в качестве реакции на провокационные речевые действия, а в некоторых ситуациях как потенциально носящая провокационный характер может служить инструментом убеждения, аргументом к жалости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Изд-во ЛКИ, 2012. — 288 с.
2. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 439 с.
3. Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы. — Москва|Берлин.: Изд-во Директ-медиа, 2016. — 550 с.
4. Голанова Е.И. Публичная речь. Современное словоупотребление: соотношение литературной нормы и узуса (на материале дискурсивных слов) / Е.И. Голанова // Современный русский язык: Система — норма — узус — Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2010. — С. 341–378.
5. Голанова Е.И. Устный публичный диалог: жанр интервью / Е.И. Голанова // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — 2-е изд. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 427–452.
6. Попова Т.И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб.: СПбГУ, 2002. — 220 с.
7. Ben-Ze'ev Aaron. Emotions and Argumentation / A Ben-Ze'ev // Informal Logic. — 1995. — Vol. 17 N 2. — С. 189–200.
8. Walton D. Informal Logic: A Pragmatic Approach. 2 nd ed. — N.Y.: Cambridge University Press, 2008. — 347 pp.
9. Walton Douglas N. Appeal to pity — Argumentum ad misericordiam. — N.Y.: State University of New York Press, 1997. — 225 pp.

10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: 1996. — 416 с.
11. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В.Ю. Апресян // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 2011. — № 2. — С. 63–88.
12. Rancour-Laferriere D. The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. — New York: New York University Press, 1995. — 330 pp.
13. Капанадзе Л.А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. — М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2005. — 334 с.

Sboeva Daria Aleksandrovna

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sboevadaria@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7471-1828>

Speech realization of the emotionally dispositive tactic of appealing to pity in media dialogue

Abstract. Speech behavior, in its entirety and various aspects, along with diverse forms of speech actions performed under a range of communicative conditions, are subjects of active study by linguists. However, a detailed analysis of individual tactics within the emotionally dispositive strategy of Russian speech remains unexplored. This study attempts to investigate a specific speech tactic that can influence the emotional state of the communicant — the tactic of appealing to pity — within the context of an increasingly prevalent discourse — media discourse.

The author, based on media dialogues from Russian television interviews, examines the tactic of appeal to pity used by both the interviewer and interviewee, each with distinct speech goals. The article delineates the specifics, effectiveness, and speech means of implementing the tactic, with particular emphasis on speech tactics-responses to appeals to pity.

The author concludes that the tactic of appealing to pity can serve as a response to provocative speech acts and can also possess a provocative nature. However, the recipient of the tactic of appealing to pity does not always succeed in establishing the anticipated emotional backdrop of communication and achieving their communicative goal. The success of the tactic of appealing to pity is contingent upon the specific speech situation, the motives of the participants in communication, and the variations in the interpretations of the complex emotional concept of «pity» by the sender and recipient of the tactic.

This article is the outcome of an analysis conducted as part of a dissertation research focused on the speech implementation of an emotionally dispositive speech strategy in media discourse. It may prove beneficial to researchers studying speech behavior and media discourse, as well as anyone interested in the processes and tactics of emotional mood in communication.

Keywords: Russian speech behavior; speech tactic; emotionally dispositive tactic; media dialogue; public communication; media discourse; appealing to pity